

Цинь Цзюнь опустила полог, стараясь не смотреть, и лишь слышала за ним шорохи и тяжёлое, будто кузнечные мехи, дыхание.

Зимней ночью аптеки Верхней столицы закрывались рано. Цзиньсю обошла несколько заведений, но так и не нашла лекаря.

В конце концов Цзи Сы, выбившись из сил, снова отключилась, обнажённая на кровати, лишь изредка выдыхая клубы пара и бормоча сквозь бред:

— Больно...

Цинь Цзюнь дала ей глоток воды и приложила ладонь ко лбу. — Жар?

— Неужели... не выживет? — пробормотала она после паузы. Мысль позволить Цзи Сы умереть, чтобы разом покончить со всеми проблемами, показалась заманчивой.

Авторская заметка:

Глава четвёртая

Поджог

Цинь Цзюнь прождала в гостинице довольно долго, прежде чем Цзиньсю наконец отыскала лекаря. Седобородый старик в стёганой куртке, с аптечным ларцем в руке, поднялся наверх и, увидев Цинь Цзюнь в парчовом платье и шляпе с вуалью, сразу понял, кто здесь главная, и почтительно поклонился. — Честь имею, госпожа. А пациентка...

Цинь Цзюнь кивнула в сторону ширмы. Старик направился туда.

Цзиньсю отступила к своей госпоже. — Всё в порядке, принцесса?

Цинь Цзюнь только успела покачать головой, как из-за ширмы донёсся вопль лекаря:

— Ой-ой-ой!

Она тут же вскочила и бросилась взглянуть.

За ширмой Цзи Сы, с трудом приподнявшись, сбросила одеяло, обнажив окровавленное плечо, и сжигающим ненавистью взглядом уставилась на лекаря. — Вон!

Старик, прикрывая ладонью лицо, с помощью Цзиньсю поднялся на ноги и возмущённо спросил:

— Что за безобразие?!

Цинь Цзюнь неловко кашлянула. — Она... не любит, когда к ней прикасаются. Наверное, старая травма даёт о себе знать.

— Тра... что? — не понял лекарь.

Цинь Цзюнь вздохнула и обратилась к Цзи Сы:

— Этому лекарю уже за семьдесят, он тебе ничего не сделает. Хочешь умереть — не лечись.

Цзи Сы сжала губы, покрытые сухими корочками, несколько мгновений изучающе смотрела на Цинь Цзюнь, а затем протянула руку лекарю. — Потрудитесь.

Лекарь поправил шапку и вновь приступил к осмотру. Он долго слушал пульс, хмурясь всё сильнее и сильнее. — Повернитесь спиной, — наконец сказал он. — Надо взглянуть на раны.

Лицо Цзи Сы, и без того бледное, почернело. Она снова посмотрела на Цинь Цзюнь.

Та взглянула на неё из-под вуали. — Что?

Лекарю пришлось объяснять самому:

— У врача помыслы чисты, как у родителя. Сударыня, не придавайте значения различию полов.

Только тогда Цзи Сы повернулась спиной. — Принесите бумагу и кисть, — попросил лекарь.

Слуга принёс требуемое. Лекарь осмотрел раны, прощупал пульс, проверил кости, всё записывая. Состояние Цзи Сы оказалось куда серьёзнее, чем он предполагал.

Цинь Цзюнь смотрела с тревогой. Неудивительно, что в книге Цзи Сы прожила лишь чуть больше двадцати лет. Застарелые недуги сидели слишком глубоко, да и грехов на её душе было не счесть — разве могла такая не стать смертницей? Впрочем, смерть её была блистательной и вполне достойной нескольких строчек в будущих летописях.

Прошло полчаса. Цинь Цзюнь, сидя в наружной комнате, уже подпирала голову рукой и клевала носом, когда лекарь наконец закончил выписывать рецепт — на это ушло целых четверть часа. Он тут же велел слуге бежать в аптеку.

— Эта девица... — Лекарь покачал головой. — Помимо внешних и внутренних повреждений, страдает ещё и зависимостью от Порошка пяти минералов. Порошок мягкого аромата принимать больше нельзя, хоть это и странно — ведь это же запретное снадобье, коим в веселых домах ломают волю невинных дев.

Тут он встретился с ледяным взглядом Цзи Сы и поспешил сменить тему, обратившись к Цинь Цзюнь:

— ...К тому же истощены почки и селезёнка с желудком, да ещё и простуда... Эх, этот рецепт я выверял с величайшей тщательностью, и дозировку нужно соблюдать с точностью до цзяна. Подойдите, я распишу способ приготовления. Запомните время и силу огня.

— В питании тоже нужна особая осторожность, избегайте жирного и тяжёлого. Первые два дня — только жидкое, можно на бульоне из курицы или рыбы. Когда полегчает — добавляйте питательные продукты. Чтобы восстановить тело, нужно...

Цинь Цзюнь было всего четырнадцать, возраст, когда сон так и клонит. Уже светало, и она, с трудом борясь с дремотой, слушала путаную речь лекаря. В конце концов она спросила лишь одно:

— Она умрёт?

Старик чуть не подпрыгнул на месте, сунул ей в руки несколько листков и удалился.

Цинь Цзюнь развернула бумаги, взглянула и велела Цзиньсю переписать рецепт и все наставления.

Слуга сварил лекарство. Они с Цзиньсю проследили, чтобы Цзи Сы выпила отвар и уснула.

Цинь Цзюнь вручила хозяину гостиницы пятьдесят лянов серебром. — Ухаживайте за ней тщательно, купите две смены одежды, кормите согласно предписаниям. Через несколько дней наведаюсь. Если с ней что случится — отвечать будешь ты.

Хозяин, увидев деньги, весь расплылся в улыбке. — Будьте спокойны, почтенная гостья, откормим её белой да румяной!

Цинь Цзюнь криво усмехнулась. По дороге в резиденцию князя Кана она из любопытства спросила Цзиньсю, сколько они истратили: сто лянов золотом, пятьдесят серебром, да ещё десять на вызов лекаря и лекарства. Сумма, которую простой семье и за жизнь не скопить.

Честно говоря, Цинь Цзюнь немного жалела о потраченном. Сейчас, в мирные времена, денег хватало, но скоро грянут смуты, и тогда даже императору будет их не хватать.

— Эх.

Цзиньсю, владевшая боевыми искусствами, обняла Цинь Цзюнь и перемахнула с ней через стену, бесшумно приземлившись во дворе. Сяо Тао, прождавшая с фонарём почти полночи, бросилась им навстречу.

— Принцесса! — Она подала Цинь Цзюнь меховую накидку и, заметив кровь на одежде, встревожилась. — Вы ранены?

Цинь Цзюнь покачала головой. Едва держась на ногах от усталости, она повалилась на кровать, достала из-за пазухи рабскую расписку Цзи Сы и протянула Цзиньсю. — Спрячь как следует.

С этими словами она закрыла глаза и погрузилась в глубокий сон.

Цинь Цзюнь провела в резиденции князя Кана несколько дней, не навещая Цзи Сы. Отчасти — чтобы дать той остыть, отчасти — потому что времени не хватало.

Цинь Куан любил развлечения и почти каждый день таскал Цинь Цзюнь с собой: то пробовать новые блюда в «Хмельной башне бессмертных», то выбирать подарки знатым семействам к новогодним поздравлениям.

Цинь Цзюнь в таких делах не разбиралась — у шестой принцессы всем этим занимались мамушки и старшие служанки. К тому же подарков ей чаще преподносили, чем она одаривала других.

Целый день на ногах — и к вечеру всё тело ныло. Вернувшись во дворец, она готова была молить Цзиньсю, чтобы та носила её на руках. Ночью она засыпала почти мгновенно, но среди ночи её будили кошмары, а с ними — учащённое сердцебиение. Вспоминая горы трупов и разруху из снов, она всё сильнее терзалась сомнениями: правильно ли поступила, спася Цзи Сы? Эта девушка была связана с судьбой династии Цинь-Чжоу, с жизнями миллионов. И,

конечно, с её собственной шкурой.

Она постепенно привыкала к этому четырнадцатилетнему телу, к безропотной заботе Цзиньсю и Сяо Тао. Наконец-то она зажила той жизнью беззаботной трутня, о которой мечтала, и всем существом ощущала, как прекрасны сама жизнь и здоровое тело. Но вместе с радостью приходило и понимание: жизнь утекает, как вода сквозь пальцы.

Цзи Сы прожила в гостинице «Тунфу» уже четыре дня и могла сидеть. Она не любила говорить, часто просто прислонялась к изголовью и безучастно смотрела в окно на падающие снежинки.

Слуга день за днём заботливо ухаживал за ней, а со временем, освоившись, начал распускать язык.

— Госпоженьке сегодня лучше? Почему так мало откушали за ужином? Лекарство горькое? Может, сладостей? Внизу опять торговец сахарными яблоками появился, по два вэня за штуку, прямо даром! Госпоженька хочет? Сбегаю, куплю! — А под конец и вовсе:

— Госпоженька откуда будет? Сколько весен отмерила? Как к вам обращаться? Замужем ли? И кем приходится вам та благодетельница?

На всё Цзи Сы отвечала лишь ледяным взглядом. Холодная красота её лица в гневе становилась поистине пугающей. Слуга, не добившись ни слова благодарности, ещё и получил от хозяина выговор и лишился месячного жалованья. В сердцах он шепотом ругал Цзи Сы «немой деревяшкой», зря, мол, такая личико нежное досталось.

Каждый день хозяин посылал кухарку натирать Цзи Сы мазями и обмывать. Та, схлопотав пару оплеух, тоже затаила обиду. Прошло ещё несколько дней, а к Цзи Сы так никто и не наведалься. Кухарка не удержалась и пустилась в пересуды.

— То-то и оно, — говорила она, сидя у чёрного хода с корзиной овощей на коленях и перебирая зелень, пока вторая служанка подметала двор. — Происхождение тёмное, а рожь-то что надо. И кожа, тьфу ты, прямо как у только что испечённых паровых булочек. Должно, «худой конёк» из Янчжоу, какой-нибудь богатея на стороне держал, да жена проведала, выпорола да выгнала.

— Ой, — подхватила вторая, — я впервые такую воочию вижу. И впрямь не дрянь какая-нибудь! Слышала, на выращивание одного такого «конька» сотни лянов уходят, специально для богатых в наложницы... Как думаешь...

Кухарки орали так, что было слышно в комнате. Цзи Сы лежала на кровати, безучастно слушая, лицо её оставалось каменным.

«Худых коньков» действительно готовили в наложницы, воспитывая с детства в строгости, как будущих жён знатных родов: обучали музыке, шашкам, каллиграфии и живописи, заставляли читать Четверокнижие, Пятикнижие и «Заповеди для женщин».

<http://bllate.org/book/16274/1465043>